

Александр Первый и отставка М. М. Сперанского*

Андрей Андреев

Московский государственный университет,
Москва, Россия

Alexander I and the Resignation of M. M. Speransky**

Andrey Andreev

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

This article analyses the historiographical traditions of studying the resignation of M. M. Speransky from the position of Secretary of State in March 1812. Also, the author considers the contradictions in various interpretations regarding the role Emperor Alexander I played in the events and demonstrates the connection of these contradictions with the way in which scholars relied on historical sources to substantiate their concepts. As a result, the article shows that many of the contradictions and ‘mysteries’ of the story followed an uncritical use of later sources that carry significant distortions. Additionally, the author demonstrates that some of the distortions were made deliberately, e. g. in the middle of the nineteenth century, J. de Saint-Glin, an active participant in the events, really wanted to influence the formation of versions behind Speransky’s resignation in historiography and in many ways succeeded in it. Firstly, a new analysis of the sources shows how accusations against Speransky accumulated in the hands of Alexander I, including the most serious of them – treason; and, secondly, what role the Ministry of Police and personally Saint-Glin could play in this. The article emphasises that Alexander I’s decision cannot be considered without regarding his emotional state on the eve of a new clash with Napoleon, which

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00162 «Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: дискуссии о путях реформирования России».

** *Citation*: Andreev, A. (2022). Alexander I and the Resignation of M. M. Speransky. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 831–847. DOI 10.15826/qr.2022.3.704.

Цитування: Andreev A. Alexander I and the Resignation of M. M. Speransky // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 831–847. DOI 10.15826/qr.2022.3.704 / Андреев А. Александр Первый и отставка М. М. Сперанского // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 831–847. DOI 10.15826/qr.2022.3.704.

was decisive for the country and his personal fate. Letters from the emperor's inner circle, namely, Professor G. F. Parrot, his friend, prove that. In this state, he could take accusations of treason seriously, and then he maintained a close interest in the investigation to such an extent that he was even ready to "shoot traitors". After the wars of 1812–1815, Alexander I's attitude towards the Speransky case changed so much that he recognised his own wrong and demonstrated readiness to return him to St Petersburg gradually. This approach makes some interpretations of historiography redundant, which previously emphasised the 'duplicity' of the emperor, his "acting", and his desire to abandon the course of liberal reforms.

Keywords: M. M. Speransky, historiography, 19th-century Russian history, Alexander I, reforms, source criticism

Анализируются историографические традиции изучения отставки М. М. Сперанского с поста государственного секретаря, состоявшейся в марте 1812 г., указаны существующие в различных интерпретациях противоречия относительно роли императора Александра I в этих событиях, показана связь этих противоречий с тем, каким именно образом историки опирались на исторические источники для обоснования своих концепций. В результате удалось показать, что многие противоречия и «тайны» этой истории явились результатом не критического использования источников, поздних по своему происхождению и несущих значительные искажения. Также продемонстрировано, что некоторые из искажений были допущены сознательно, а такой активный участник событий, как Я. И. де Санглен, в середине XIX в. очень хотел повлиять на формирование версий отставки Сперанского в историографии и во многом преуспел в этом. Новый анализ источников показал, во-первых, каким образом в руках Александра I аккумулировались обвинения против Сперанского, включая и самое серьезное из них – в государственной измене; во-вторых, какую роль могли сыграть в этом министерство полиции и лично Санглен. Подчеркнуто, что решение Александра I нельзя рассматривать в отрыве от его эмоционального состояния накануне нового, решающего для страны и его личной судьбы столкновения с Наполеоном. Об этом свидетельствуют письма, происходившие из ближайшего окружения императора, в частности, от его личного друга профессора Г. Ф. Паррота. В таком состоянии он мог всерьез воспринять обвинения в измене, а затем поддерживал пристальный интерес к расследованию до такой степени, что даже был готов «расстрелять изменников». После же войн 1812–1815 гг. отношение Александра I к делу Сперанского поменялось вплоть до признания собственной неправоты и готовности постепенно вернуть того в Петербург. Такой подход, по мнению автора статьи, делает излишними некоторые трактовки историографии, в которых ранее делался акцент на «двуличии» императора, его «лицедействе», а также желании порвать с курсом на либеральные реформы.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, историография, история России XIX в., Александр I, реформы, критика источников

За первую половину XIX в. в русской истории, вероятно, не было иного события, которое бы породило вокруг себя столь мощный ореол неразрешимой тайны, как опала М. М. Сперанского. Довольно быстро родилось ее сравнение с загадкой Железной Маски во Франции (оба автора, написавшие об этом впервые, общались друг с другом в 1840–1850-е гг. [Вигель, с. 8; Корф, с. 27]). С неизвестным высокопоставленным узником Людовика XIV Сперанского объединяли не только таинственные обстоятельства ссылки, но и то, что его вина так и осталась скрытой, причем не только от общества, но даже от него самого. Все это подогревало интерес историков к причинам удаления государственного секретаря Александра I из Петербурга в марте 1812 г. и побуждало искать различные объяснения.

В первой же капитальной биографии Сперанского, вышедшей в 1861 г., М. А. Корф подробно проанализировал отставку своего героя. Позже были изданы и дополнительные материалы [Деятели и участники в падении Сперанского; Ссылка Сперанского], не вошедшие в книгу по соображениям цензуры или этики, которая требовала от Корфа не называть некоторые имена еще живых участников событий.

Касаюсь причин отставки, Корф перечислял различные обвинения против Сперанского, с которыми приходилось иметь дело Александру I: измена в пользу Франции; расстройство системы государственного управления; возбуждение недовольства налогами и другими мерами против дворянских привилегий; наконец, заговор с целью отстранить Александра I от принятия решений. Корф подчеркивал тяжесть этих обвинений, в особенности первого – в измене, подкрепленного фактами действительного участия Сперанского в тайной дипломатии. Также Корф указал на неспособность государственного секретаря вовремя противодействовать интригам своих врагов, что, по сути, вынудило Александра I «пожертвовать» Сперанским, идя на встречу не только обвинителям, но и общественному мнению, необходимость сплочения которого возникла накануне решающей войны с Наполеоном [Корф, с. 29].

В концепции Корфа, тем самым, не только Сперанский, но во многом и сам Александр I стали жертвами сложившихся обстоятельств. Именно это суждение в дальнейшем постоянно вызывало критику историков. Уже М. П. Погодин в биографическом очерке о Сперанском (который автор начал в 1862 г. в качестве рецензии на труд Корфа и опубликовал девять лет спустя, посвятив большую его часть разбору отставки Сперанского [Погодин, ст. 1121–1185]) решительно отвергал основательность обвинений против него, полагая, что Александр I не мог серьезно рассматривать ни возможность его измены, ни тем более донос о желании «перехватить власть» у императора. Возражая Корфу, Погодин писал: «Доноса не было в том виде, в каком представляется в книге, и не донос был причиной ссылки»; эти обвинения «были только предлогами для общества, для бюрократии, а настоящие причины остались в тайне». Последние же Погодин ус-

матривал в том, что император уже некоторое время тяготился Сперанским, утратил к нему доверие, а потому ждал только подходящего повода для того, чтобы его отстранить [Погодин, ст. 1132, 1150–1153]. Таким образом, Погодин впервые придал Александру I не пассивную, а активную роль, подчеркнув, что причину событий необходимо видеть в личности и действиях самого российского императора.

Последующая историография усилила эти тезисы. Например, С. Н. Южаков в книге о Сперанском, которая вышла в 1892 г. в научно-популярной серии «Жизнь замечательных людей», недвусмысленно заявлял: Александр I знал, что обвинения в адрес Сперанского необоснованны, но «все же решил пожертвовать своим благороднейшим слугой; в лице его он хотел покарать иллюзии своей молодости» [Южаков, с. 71]. Но детальнее всего те причины, которые заставили царя удалить своего ближайшего советника и соратника по проведению государственных преобразований, сформулировал крупнейший биограф Александра I Н. К. Шильдер. Он расширил осмысление событий до масштаба «шекспировской драмы», в которой действовали лица, «не посвященные в тайну конечной ее цели», и лишь император держал в руках все нити, управлявшие ходом этой истории. Суть же происходящего заключалась в нарастании внутренних противоречий между Сперанским и Александром I и в желании последнего освободиться от «навязываемых» ему реформ, которые ограничивали бы власть монарха. При этом, по мнению Шильдера, «патриотизм, требования общественного мнения прикрыли собой сведение личных счетов оскорбленного мстительного сердца» [Шильдер, с. 37–38, 50, 368].

Дальнейшие работы о Сперанском, написанные в XX в., в той или иной степени повторяли тезис о том, что отставка государственного секретаря была собственным решением Александра I [Семевский; Нольде; Томсинов]. Отсюда был сделан и следующий вывод: это событие означало сознательный отказ императора от продолжения либеральных реформ и консервацию самодержавного правления [Чибиряев, с. 122–123]. «В этом акте ярко выразились колебания политики Александра I, его непоследовательность и даже вероломство» [Федоров, с. 122]. Представление о том, что отставка Сперанского стала знаком общей перемены правительственного курса Александра I, присутствует и в научных статьях последнего десятилетия, затрагивающих данную тему: «В ситуации нарастающего кризиса в отношениях с Французской империей и новой неизбежной войны с Наполеоном Александр I вынужден был не только приостановить реализацию “Плана” реформ 1809 г., но и убрать с политической арены его главного разработчика» [Скрыдлов, с. 108].

Среди современных историков лишь А. Л. Зорин попытался переосмыслить интерпретацию опалы Сперанского. Он счел ее политические причины, о которых упоминали современники и, возможно, сам Александр I, лишь «риторическим прикрытием подлинных

мотивов его решения». Эти мотивы раскрывались в свете изучения мифологического сознания русского общества, в котором в канун новой войны актуализировались стереотипы «измены» и «врага народа» и где через «ритуал заклания изменника» Александр I должен был восстановить «народное единство» [Зорин, с. 191, 230] (можно заметить, что тем самым автор вернул в дискуссию звучавший еще в труде Корфа тезис о жертве, принесенной Александром I ради патриотизма и общественного согласия, с чем решительно спорил Шильдер).

Апелляция к мифу и архетипам сознания несла с собой еще и то новшество, что позволяла отказаться от рациональной трактовки событий, то есть фактически закрепляла вокруг них завесу тайны или даже мистификации. Собственно, частично с этим соглашались и предшествующие историки, констатируя невозможность установить определенные ответы на многие важные вопросы, в особенности когда дело касалось позиции императора. Верил ли Александр I в то, что Сперанский мог его предать, или категорически отрицал измену? Принял ли он Сперанского на решающей аудиенции 17 марта 1812 г. благожелательно, едва ли не извиняясь за отставку, или, напротив, говорил с ним в обличительном тоне, как строгий судья? Хотел ли император продолжать в будущем работу со своим помощником или решил навсегда с ним проститься? Подтверждение каждого из этих утверждений можно найти в каком-либо из источников, ссылающихся на личные слова Александра I. Некоторые современные авторы, принимая эти противоречия источников как данность, полагают, что они отражают принципиальное «двуличие» Александра I, которое являлось основной «дискурсивной моделью» поведения и характера императора, что традиционно аргументируется его тягой к актерству и «театрализации повседневности» [Готовцева, с. 22]. Однако данное исследование не склонно следовать в этом русле. Напротив, здесь поставлена задача показать, что критический анализ источников позволяет снять некоторые их противоречия и, соответственно, скорректировать историографическую традицию по освещению роли Александра I в событиях, связанных с отставкой Сперанского.

Основная источниковая база по анализируемой теме была собрана в два этапа – сперва М. А. Корфом, а затем Н. К. Шильдером и с того времени расширялась незначительно [Андреев, 2022]. Корф в своем труде впервые познакомил публику со многими ключевыми обстоятельствами, высказываниями и гипотезами, относящимися к отставке Сперанского, при этом не ограничиваясь документами, но также печатая некоторые важные рассказы, которые он лично слышал от участников событий. Шильдер добавил к этому изрядное количество новых источников (опять-таки в основном личного происхождения), почерпнутых из архивов.

Однако в изложении Шильдера присутствовала большая проблема – он соединял на равных правах источники, принципиально разные по своему возникновению. Поясним это примером. Еще

Корф указал в качестве важнейшего источника о событиях на письме профессора Дерптского университета Г. Ф. Паррота к Александру I от 17 марта 1812 г. [LVVA. F. 7350. Apr. 1. № 8. Lp. 111–114 op.] (подробнее об этом письме и контексте его написания см.: [Андреев, 2020]). Паррот написал письмо спустя сутки после разговора, в котором император рассказал ему о грядущей отставке Сперанского. Профессор пытался осмыслить этот разговор и на правах близкого друга давал императору советы, как лучше действовать в сложной ситуации (а Александр I действительно высоко ценил дружбу Паррота [Андреев, 2021]). В письме четко отражены слова императора о предательстве Сперанского, о желании его наказать (и даже расстрелять!), об обвинениях и обвинителях против государственного секретаря. Однако для Шильдера было очевидно, что император не мог воспринимать всерьез какие-либо доносы об измене Сперанского, а тем более верить им, и отсюда делался вывод: Александр I, желая скрыть истинную причину отставки Сперанского, разыграл перед профессором «преднамеренную комедию», иначе говоря, сознательно обманывал своего друга (впервые об этом написал еще М. П. Погодин: «Паррот приведен был в заблуждение, как и все» [Погодин, ст. 1131]). Свой вывод Шильдер подкрепляет приводимыми здесь же словами Александра I, которые тот говорил разным адресатам – кн. А. Н. Голицыну, К. В. Нессельроде, Я. И. де Санглену, Н. Н. Новосильцеву; из них однозначно следовало, что в глазах императора Сперанский «нисколько не изменник», а, в сущности, виновен только лично по отношению к Александру [Шильдер, с. 41].

Подтверждающую это большую цитату из беседы Александра I и Новосильцева Шильдер даже полностью опубликовал в приложении с указанием на архивное дело. Но при проверке выясняется, что цитируются примечание сенатора Н. А. Старынкевича к копии так называемого «пермского письма» Сперанского [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557. Л. 75]. Старынкевич действительно мог слышать от Новосильцева о его разговоре с Александром I (местом названы Свеняны, а дата, соответственно, конец июня 1812 г.), но запись этого разговора в указанном примечании сенатор сделал, судя по всему, в 1850-х гг. для М. А. Корфа. Так можно ли источник, дошедший до нас через третьи руки и записанный спустя 40 лет после событий, цитировать в качестве прямой речи Александра I и противопоставлять содержанию письма, написанного на другой день после разговора с императором?

Другой схожий пример: и Корф, и Шильдер приводят слова Александра I, сказанные через два дня после событий графу К. В. Нессельроде, о том, что отставка Сперанского есть сознательный шаг императора навстречу «национальному чувству» и «русскому патриотизму», который один лишь может спасти страну в грядущей войне. Для Корфа это было одно из ключевых высказываний Александра I для обоснования концепции о том, что император «пожертвовал» Сперанским. При обращении же к первоисточнику выясняется, что эти

слова взяты из мемуаров К. В. Нессельроде, написанных им уже после ухода в отставку в конце 1850-х гг., то есть спустя 40 лет после событий [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1151. Л. 25 об. –26], и они представляют собой не прямую речь Александра I, а собственный анализ автора мемуаров относительно мотивов отставки, причем понятно, что на эту фразу повлияло представление о противоборстве России с Наполеоном как о «народной войне», которое не могло еще звучать весной 1812 г., а зародилось позже.

Наконец, следует подчеркнуть своеобразие главного источника, из которого историки черпали наибольшее количество подробностей о деле Сперанского, – записок Я. И. де Санглена. Их автор в 1810–1812 гг. служил начальником особой канцелярии министерства полиции и вместе с министром А. Д. Балашовым вечером 17 марта произвел арест бумаг в доме Сперанского и организовал его высылку в Нижний Новгород. Несомненно, Санглен обладал обширной информацией о том, что этому предшествовало. Однако составлять свои записки он начал тогда, когда остался последним живым участником данной истории, настаивая на монополии на трактовку событий, истина о которых «известна ему одному».

Записки Санглена были созданы специально для того, чтобы повлиять на складывающуюся историографическую традицию. На рубеже 1846–1847 гг. он подробно изложил в письмах к М. А. Корфу свою версию отставки Сперанского [Деятели и участники в падении Сперанского, с. 505–507], а затем, уже в начале 1860-х гг., когда трактовка этой отставки в опубликованном труде Корфа не удовлетворила Санглена, он обратился к М. П. Погодину, в лице которого наконец обрел благодарного слушателя и почитателя. Упомянутый выше биографический очерк о Сперанском Погодин во многом построил как комментарий к фразам из писем к нему Санглена, откуда историк заимствовал и отдельные мысли, и общую интерпретацию событий. Именно так в историографию и вошла концепция о том, что главным двигателем интриги выступал сам Александр I, манипулировавший своим окружением, чтобы избавиться от своего государственного секретаря якобы за то, что тот «подкапывался под самодержавие» [Санглен, с. 136]. Н. К. Шильдер полностью принял концепцию Санглена, цитируя как прямую речь Александра I и это, и другие высказывания из записок (опубликованных целиком в 1883 г.).

Между тем, помимо того, что слова императора были занесены на бумагу спустя десятки лет после разговоров с ним, очевидна и личная заинтересованность Санглена в искажении оценок. Он многократно в письмах и к Корфу, и к Погодину настаивал, что не несет никакой личной ответственности за опалу Сперанского, не представлял на того никаких доносов, а выступал всегда лишь инструментом, подчиненным воле императора. Можно еще добавить и очевидный беллетристический стиль записок Санглена, которые сам он называл «сценическим представлением», наполнив их красочными диалогами

и литературными описаниями, но при этом и очевидными фактическими ошибками [Андреев, 2022].

Таким образом, существующая в историографии традиция относительно роли Александра I в отставке Сперанского в значительной мере основана на некритическом использовании источников, в которых разного рода высказывания императора фиксировались или по истечении значительного периода времени, или опосредованно, третьими лицами, а иногда даже были выдуманы сознательно. Именно с такими искажениями связаны отмеченные выше противоречия, на которых зиждется представление о «двуличии» Александра I. Однако анализ данной проблемы можно вести по-другому, если, с одной стороны, отметить точки согласия между источниками, а, с другой, при рассмотрении спорных моментов на первый план выдвигать источники, современные описываемым событиям, – письма, дневники, делопроизводственные документы, с которыми надо сравнивать более поздние оценки в мемуарах и рассказах участников событий. На наш взгляд, это позволит демистифицировать историю отставки Сперанского, оторвав ее от последующего историографического мифа.

Приступая к такому анализу, прежде всего подчеркнем, что общие причины опалы Сперанского заключались в усилившемся давлении на Александра I со стороны придворных кругов. Уже с 1811 г. Александр I знал о существовании дворянской оппозиции тому реформаторскому курсу, который воплощался в жизнь его государственным секретарем. Центром недовольных выступал «малый двор» в Твери во главе с генерал-губернатором принцем Георгом Ольденбургским и его супругой великой княгиней Екатериной Павловной (свидетельства о ее враждебности по отношению к Сперанскому зафиксированы и в дневниках и письмах современников, и в мемуарах, составленных в 1820-е гг., и в более поздних рассказах, записанных Корфом [Двенадцатый год в записках В. И. Бакуниной, с. 394; Ростопчин, с. 647–648; Гауеншильд, с. 256; Деятели и участники в падении Сперанского, с. 473–474]).

Однако триггером для выражения общественного недовольства выступил указ о новых налогах от 11 февраля 1812 г. (сам Сперанский подчеркнул это в своей так называемой «оправдательной записке», написанной в 1813–1814 г. [Сперанский, с. 75]). В качестве рупора оппозиции в Петербург прибыл Ф. В. Ростопчин. В своих мемуарах он, впрочем, отрицал причастность к интригам против Сперанского, однако этому явно противоречит записка, представленная Ростопчиным Александру I через великую княгиню Екатерину Павловну и предупреждающая о разветвленной «секте мартинистов», к которой принадлежат многие «значительные лица» вокруг престола. Сперанский здесь впрямую был назван высшим лицом, управляющим адептами мартинистов [Записка о мартинистах, с. 80]. Такого рода обвинения должны были внушить Александру I мысль о том, что Сперанский предан вовсе не ему, а какой-то собственной тайной цели. Они соответствовали толкам в обществе (о чем знал и сам

государственный секретарь [Сперанский, с. 74]) и четко отразились в следующем документе, написанном от имени Ростопчина, – письме за подписью «Граф Ростопчин и москвитяне», которое распространялось в начале марта 1812 г. в Петербурге и дошло до властей (как подчеркивает Корф, письмо было обнаружено среди официальных бумаг, а значит, с большой вероятностью, попало и в руки Александра I [Деятели и участники в падении Сперанского, с. 480–482]). Здесь уже в полный голос обличается измена Сперанского, подкупленного за деньги, упоминается о его переписке с Наполеоном, о его желании «озлобить народ» против царя, а также говорится о роли министра полиции А. Д. Балашова, который «первый открыл это великое и ужасное дело», и звучит призыв к Александру I немедленно «прервать действия» злоумышленников.

Интересно, что одновременно с Ростопчиным в конце февраля в Петербург приехал полковник А. И. Чернышев, доставивший из Парижа наиболее точные сведения о военных приготовлениях Наполеона, что потребовало от Александра I непосредственно заняться подготовкой к отъезду на новую кампанию. В ходе сборов возникал вопрос, каким образом в отсутствие царя (которое могло продлиться несколько месяцев, как во время кампании 1807 г.), будет организовано высшее управление, во главе которого теперь находился Государственный совет. В разговоре с Г. Ф. Парротом, состоявшемся 16 марта 1812 г., Александр I упомянул, что желает назначить новым председателем Государственного совета принца Георга Ольденбургского [LVVA. F. 7350. Apr. 1. № 8. Лр. 112 ор.]. Это вполне можно трактовать как шаг императора навстречу оппозиции. Естественно, что принц Ольденбургский воспротивился бы сохранению Сперанского на посту государственного секретаря, и, если бы новое назначение состоялось, оно бы предрешило вопрос об отставке Сперанского. Обратим внимание, что в таком ключе отставка должна рассматриваться не в качестве «жертвы патриотизму» перед войной, а как элемент придворной борьбы, где Александр I стремился лавировать между партиями (в «оправдательной записке» Сперанский сам удивлялся, что царь «так долго один поддерживал своего секретаря противу всех»).

Мотивировать отставку Сперанского Александру I помогала полученная им тогда же записка Г. А. Розенкампа [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557. Л. 92–101; Корф, с. 31–40]. Ее автор, служивший в комитете по финляндским делам, входил в еще одну придворную партию, группировавшуюся вокруг барона Г. М. Армфельта, бывшего фаворита шведского короля Густава III, который с присоединением Финляндии к России перешел на русскую службу и начал борьбу за высокое место при Александре I. Многочисленные высказывания современников приписывали именно Армфельту ведущую роль в интриге против Сперанского, который и сам пришел к такому же выводу в «оправдательной записке». О том, что Розенкампф, нападая на Сперанского, выступал орудием в руках Армфельта, упомянул Паррот в письме

от 17 марта; те же сведения содержатся и в мемуарах [Гауеншильд, с. 256–257; Тургенев, с. 537, 616]. Сперанскому ставились в вину дезорганизация центрального управления, разработка законов на чужеродных принципах, подрыв «общественного доверия» к финансовой системе, унижение «дворянского достоинства», отягощение промышленности и сельского хозяйства.

Таким образом, в марте 1812 г. у Александра I на руках было несколько записок против Сперанского, склонявших императора к его удалению от себя, что позволило бы найти компромисс в борьбе придворных группировок и смягчить общественное мнение. Но, чтобы выполнить такую задачу, отставка должна была стать открытой перед обществом. Однако было выбрано иное, *тайное* решение, носившее характер не просто отставки, а наказания и даже ссылки.

Несомненно, на него повлияли доносы, происходившие из министерства полиции. Когда в августе 1821 г. вернувшийся в Петербург Сперанский нашел удобный случай прямо спросить Александра I о причинах его решения, царь не стал уходить от ответа (хотя, видимо, сослался на то, что «начало и происшествие сего дела смешаны и забыты») и назвал два факта: 1) донос о тайных сношениях Сперанского с французским и датским посланниками (где «началом всему полагается де Санглен»); 2) сообщение министра полиции Балашова о том, что Сперанский хотел бы «соединиться с ним» (по сути – составить заговор), о чем Балашов узнал через посредников, а именно через своего племянника Д. Н. Бологовского, который тесно общался с доверенным лицом Сперанского М. Л. Магницким (запись об этих подробностях Сперанский занес в свой дневник 31 августа 1821 г., и она была впервые обнаружена Корфом [Ссылка Сперанского, с. 24]).

В продолжении той же дневниковой записи Сперанский делал вывод, что Бологовский занимался пустой болтовней, обманывая и Балашова, и Магницкого. К этому выводу Сперанского подвел собственный разговор с Балашовым, состоявшийся 11 марта 1821 г., о котором также говорится в дневнике. По итогам их общения Сперанский утвердился в мнении (составленном им для себя еще в 1813 г.), что главой «заговорщиков» был Армфельт, удар которого «был направлен и на Балашова», хотя в то же время «Армфельт искал соединения с Балашовым» [цит. по: Скрыдлов, с. 108]. Современные исследователи согласны здесь со Сперанским – они подчеркивают, что роль Балашова в его опале не следует преувеличивать [Скрыдлов, с. 109; Николаенко, с. 32–33].

Главным же доносчиком, как вытекает из слов Александра I, зафиксированных в дневнике, выступил Я. И. де Санглен. Когда Корф в 1847 г. впервые предъявил тому указанную запись Сперанского, Санглен опроверг ее – яростно, но неубедительно, поскольку упрекал во лжи Александра I («по этой черте узнаю блаженной памяти государя»), заявляя, что у императора в привычке было перекладывать на него свои действия, как и действия других. Санглен оправдывался

тем, что все скрывают правду об этой истории: «Я один не имел нужды лгать, потому что никаких доносов не делал» [Ссылка Сперанского, с. 25]. Впрочем, то, что Санглен мог без зазрения совести обвинить во лжи и своего начальника Балашова, и Александра I, отметил еще в 1812 г. его собеседник Л. И. Голенищев-Кутузов, оставивший ценный дневник. Одна из самых интересных его записей рассказывает, как спустя неделю после отставки Сперанского автора дневника посетил Санглен – специально для того, чтобы сообщить подробности дела и объявить, что «преступление Сперанского есть измена, все доказательства на то в руках государя». Кутузова поразило, что его приятель был «в каком-то восторженном бешенстве» [Там же, с. 18–19]. Это лишний раз доказывает, что Санглен находился в самом центре интриги. Он мог действовать или под влиянием Армфельта (разговоры с которым об участии Сперанского сам описывает в мемуарах [Санглен, с. 134–135]), или просто из любви к «полицейскому искусству», но несомненно упиваясь собственной ролью обличителя Сперанского в государственной измене.

Думается, что нельзя в точности установить, какие именно доказательства привлек для этого Санглен, но можно предполагать, основываясь на косвенных свидетельствах. Так, в декабре 1810 г. был арестован полковник Н. З. Хитрово по обвинению в том, что при его посредничестве посланники Франции и ее ближайших союзников получили доступ к секретам русской дипломатии [Деятели и участники в падении Сперанского, с. 501–503]. Казалось бы, Сперанский не имел никакого явного отношения к этому делу, однако ведь и он был допущен Александром I к тайной дипломатической переписке, и значит, согласно полицейской логике, именно Сперанский мог быть источником секретных сведений, которые Хитрово передавал иностранным посольствам.

Прямое подтверждение такой логики обнаруживается в доносе мелкого чиновника министерства полиции губернского секретаря Владимира Боровиковского. Он был арестован 19 апреля 1812 г. за то, что вымогал крупную сумму денег у некоего ротмистра Володимирова, объясняя это необходимостью попасть в главную квартиру русской армии и лично увидеться с Александром I. В тюрьме он составил три записки на имя государственного секретаря А. С. Шишкова (от 20 октября, 4 ноября 1812 г. и 6 мая 1813 г.), где оправдывал себя тем, что первым в ноябре 1810 г. обнаружил злоумышления Хитрово, Магницкого и Сперанского «в не позволенной переписке по тайному сношению их с французским двором и ночных посещениях того двора посланника». Когда же Хитрово был арестован, то измена Сперанского и Магницкого осталась нераскрытой, а министр полиции Балашов запретил ему дальше против них свидетельствовать, из-за чего Боровиковский и решил добраться до самого императора [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557. Л. 7–18 об.].

Подчеркнем, что речь идет не об оценке правдивости этого доноса (где более чем вероятно, что Боровиковский лгал из сугубо корыст-

ных мотивов), но о том, что внутри министерства полиции к 1812 г. уже связывали вместе имена Хитрово, Магницкого и Сперанского. Это могло дать почву для доноса Санглена. Поразительно, но в своих мемуарах тот практически проговаривается: он упоминает арест Хитрово в непосредственной связи с делом Магницкого и Сперанского, но пытается представить это естественным ходом событий, для чего ему приходится совершить грубую фактическую ошибку и отнести арест к началу 1812 г. [Санглен, с. 123–125].

Еще больше путаницы Санглен добавляет в мемуары, когда пишет, что Хитрово передал французскому послу планы перемещений русских войск, полученные им благодаря оплошности А. В. Воейкова. Здесь домыслы явно смешиваются с реальными фактами, поскольку полковник А. В. Воейков, начальник особой канцелярии при военном министре, действительно за какую-то провинность в марте 1812 г. был переведен в действующую армию, а источники (как того же времени, так и позднейшие) единодушно связывали это с делом Сперанского и Магницкого [Выдержки из записок А. Я. Булгакова, ст. 1367; Двенадцатый год в записках В. И. Бакуниной, с. 393; Деятели и участники в падении Сперанского, с. 499]. Во всех рассказах фигурировал пропавший портфель с планами военной кампании, но подробности были разные, и суммировать их можно следующим образом: Сперанский (или Магницкий как близкий друг Воейкова, или Магницкий на квартире Сперанского без ведома последнего) получил доступ к этим планам, после чего Магницкий, имевший давние знакомства во французском посольстве, упомянул там о них (или передал нарочно). Характерно, что некоторые из рассказов восходили к самому Сперанскому. В частности, некий Александр Ворожницкий 10 декабря 1864 г. писал Корфу, что слышал эту историю от Р. Эдлинг-Стурдзы, которой Сперанский так объяснял причину своей отставки, отдыхая в Одессе в 1837 г. [ГАРФ. Ф. 728. Ед. хр. 1678. Л. 1–3]. Возможно, Сперанский, вернувшись в Петербург и выясняя роль разных персон в своей отставке, действительно получил сведения относительно связи «портфеля Воейкова» и какой-то вины Магницкого (и этим можно объяснить, почему между Магницким и Сперанским до конца жизни прекратилось всякое общение).

Так или иначе, но Александр I в марте 1812 г. был поставлен перед серьезными обвинениями против Сперанского: от Санглена – в государственной измене, от Балашова – в подготовке заговора (отметим, что донос Балашова на Сперанского несомненно имел место, но вовсе не был таким, каким описал его Санглен в мемуарах, где фигурируют фантастические детали, изображавшие Сперанского в своем кабинете алхимиком и иллиминатом, жаждущим власти и отпускающим презрительные шутки относительно императора [Санглен, с. 105–106]). Мог ли тогда Александр I сохранить государственного секретаря на своем посту, уезжая из Петербурга в армию? В другой обстановке, возможно, да; но в тот момент император, возбужденный тревогами

будущей войны, не смог ни избавиться от возникших у него подозрений, ни проверить их в короткое время. Свою роль сыграла известная болезненная подозрительность Александра I (как писал ему тогда Паррот: «Даже ангел стал бы подозрительным на Вашем месте»).

Однако на аудиенции 17 марта 1812 г. Александр I не стал озвучивать Сперанскому свои подозрения. Источники, повествующие об этой встрече, наиболее разноречивы, поскольку в большинстве своем питались слухами, а наиболее подробные из них (как рассказы князя А. Н. Голицына или Ф. П. Лубяновского) записаны спустя много лет после событий [Андреев, 2022]. Поэтому лучше всего о ее результатах свидетельствует обширное письмо Сперанского Александру I, написанное в Перми в начале 1813 г. и, по сути, восполняющее все то, что Сперанский хотел бы, но не смог ответить императору в последнем разговоре. Он перечисляет здесь главные пункты обвинений («из слов, кои при отлучении меня Ваше Величество сказать мне изволили»), и среди них нет ни измены, ни подготовки заговора, а названы лишь внутривластные проблемы [Сперанский, с. 58], воспроизводившие содержание записки Розенкампа, которой Александр I, очевидно, воспользовался.

Отсюда вытекает, что об обвинении в государственной измене Сперанский узнал позже из доходивших до него толков в обществе (в частности, из отправленного ему в середине мая 1812 г. подробного письма от его друга П. Г. Масальского [Дружеские письма графа М. М. Сперанского, с. 12–21]). Обвинение в измене явно тяготило его, и особенно в глазах Александра I. Этим, видимо, объясняется, что Сперанский дважды оправдывался перед царем в эпизоде, кажущемся маловажным. Вечером 17 марта, когда перед отправкой Сперанского в Нижний Новгород опечатывали его бумаги, тот отобрал некоторые из них в отдельный конверт и попросил вручить в собственные руки императора. Там были тайные дипломатические документы, предназначенные лично для Александра I, – донесения графа К. В. Нессельроде из Парижа, а также расшифрованные перлюстрации депеш иностранных посланников в Петербурге. И если первые из документов Сперанский получал по прямому высочайшему поручению, то вторые к нему доставлялись уже без всякого разрешения императора от чиновника министерства иностранных дел, занимавшегося дипломатическими шифрами, Х. А. Бека. Сперанский признавал, что превысил здесь границы доверия Александра I, и просил у него за это прощения – сперва в записке, приложенной к упомянутому конверту [Шильдер, с. 55], а затем в «пермском письме». В последнем он писал: «Тут могло быть легкомыслие, но никто никогда не может превратить его в государственное преступление». При этом здесь же он подчеркивал, что к тайной корреспонденции из Парижа был допущен самим царем и не может открыто в том оправдаться: «Вашей тайною, а не своею я связан; следовательно, вам же и развязать все должно» [Сперанский, с. 62–64].

Но в контексте других доносов, обвинявших Сперанского в связях с иностранными послами, дело об утечке тайных дипломатических документов через Х. А. Бека получило иной вес. Сам Александр I рассказывал об этом деле Парроту накануне 17 марта, то есть он знал о нем еще до признаний Сперанского. 25 марта Бек был арестован и посажен в крепость. Упомянутую записку Сперанского Александр I с возмущением показывал министру юстиции И. И. Дмитриеву [Дмитриев, с. 196]. Уже после отъезда в армию император продолжал проявлять активный интерес к делу Бека: из Вильны 19 апреля он отправил копию все той же записки Сперанского для графа Н. И. Салтыкова, возглавлявшего следствие, а 13 июня сообщил Салтыкову, что не удовлетворен показаниями Бека и хотел бы сопоставить их с какими-то своими бумагами, но «онные остались в Петербурге» [Шильдер, с. 58–59, 370].

О серьезном отношении Александра I к поиску возможной измены свидетельствует и его письмо шведскому наследному принцу Ж.-Б. Бернадоту от 24 мая 1812 г. Тот удивился «милосердию» российского императора, ибо никто из привлеченных по делу Сперанского не понес публичного наказания, на что Александр I ответил: «У меня более подозрений, чем неоспоримых данных, но при нынешних обстоятельствах они были достаточны для меня, чтобы ни на мгновение не дать мне колебаться и удалить причастных к делу лиц», и далее подчеркнул, что если бы доказательства поступили, то он «не пощадил бы виновных» [Шильдер, с. 52].

К моменту начала войны 1812 г. никаких доказательств получено не было, а затем бурные военные события полностью отодвинули расследование на задний план. После же победы над Наполеоном поиск изменников утратил свою актуальность – в манифесте от 30 августа 1814 г. Александр I торжественно заявлял о прощении даже тех, кто явно сотрудничали с французами. Следствие по делу Сперанского дальше не проводилось. Возможно, император скоро осознал собственную неправоту по отношению к бывшему государственному секретарю, однако точка в его деле была поставлена спустя лишь несколько лет: сперва после ходатайства через А. А. Аракчеева был составлен указ Александра I от 30 августа 1816 г., который официально объявлял Сперанского невиновным и давал ему возможность вновь поступить на службу [Корф, с. 119], а затем в личном письме к Сперанскому от 22 марта 1819 г. по поводу назначения того сибирским генерал-губернатором Александр I признал: «Враги ваши несправедливо оклеветали вас», обещая после исполнения новых поручений вновь приблизить его к себе в Петербурге [Там же, с. 174–177].

Таким образом, отказ от детального выяснения всех обстоятельств дела Сперанского (который сам попытался этим заняться в 1821 г.!) и конечное признание императора в том, что он действовал под влиянием клеветы и интриг, указывают на не вполне рациональный, а скорее эмоциональный характер принятого в 1812 г. Александром I

решения, в чем и коренятся все странности и «загадки» этого дела. Накануне начала войны Александр, конечно, мог поверить в измену, которая его окружает, и даже пожелать расстрелять предателя. Его чувства были накалены до предела – таким он предстает накануне отставки Сперанского в общении с Парротом, которому заявил в тот день: «Если я погибну в этой ужасной борьбе, изобразите меня потомству тем, кем я был» [LVVA. F. 7350. Apr. 1. № 9. Lp. 63]. Менее всего он думал тогда о выборе между либеральным или консервативным курсом или о каком-то «лицедействе» ради «упрочения самодержавия». Однако последующая историография чрезмерно мистифицировала эти события, некритически используя многие источники и принимая на веру «высказывания Александра I», которые в действительности каждый раз требуют тщательного источниковедческого анализа.

Список литературы

- Андреев А. Ю. Кто спас Сперанского от расстрела? // Родина. 2020. № 4. С. 108–112.
- Андреев А. Ю. «Профессор-романтик» Г. Ф. Паррот и его дружба с императором Александром I // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской православной церкви. 2021. Вып. 101. С. 79–100. DOI 10.15382/sturI2021101.79-100.
- Андреев А. Ю. Источники об отставке Сперанского в 1812 г.: опыт систематического анализа // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. (В печати.)
- Вигель Ф. Ф. Записки : [в 2 т.]. М. : Круг, 1928. Т. 2. 355 с.
- Выдержки из записок А. Я. Булгакова // Русский архив. 1867. № 12. Ст. 1361–1174. ГАРФ. Ф. 728. Ед. хр. 1678.
- Гауеншильд Ф. Ф. М. М. Сперанский // Русская старина. 1902. Т. 110. № 5. С. 251–262.
- Готоваева А. Г. «Он всегда будет жертвой интриг»: придворная борьба Александровской эпохи // Россия и современный мир. 2018. № 1 (98). С. 8–28.
- Двенадцатый год в записках В. И. Бакуниной // Русская старина. 1885. Т. 47. № 9. С. 391–410.
- Деятели и участники в падении Сперанского (неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» барона М. А. Корфа) // Русская старина. 1902. Т. 109, № 3. С. 469–508.
- Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М. : Изд. М. А. Дмитриев, 1866. 315 с.
- Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 г. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1862. 142 с.
- Записка о маринистах, представленная в 1811 году графом Ф. В. Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 75–81.
- Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.
- Корф М. А. Жизнь графа Сперанского : [в 2 т.]. СПб. : Изд. Имп. публ. б-ки, 1861. Т. 2. 388 с.
- Николаенко П. Д. Министр полиции А. Д. Балашов и опала М. М. Сперанского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 27–33.
- Нольде А. Э. Сперанский. Биография. М. : Моск. школа полит. исслед., 2004. 304 с.
- Погодин М. П. Сперанский (посвящается барону М. А. Корфу) // Русский архив. 1871. № 7. Ст. 1097–1252.
- РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557; Ф. 11. Оп. 1. Д. 1151.
- Ростопчин Ф. В. Тысяча восемьсот двенадцатый год // Русская старина. 1889. Т. 64, № 12. С. 643–725.
- Санглен Я. И. де Записки. 1793–1831. М. : Кучково поле, 2016. 256 с.

- Семевский В. И.* Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество : в 7 т. М. : Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1911–1912. Т. 2. С. 221–245.
- Скрыдлов А. Ю.* М. М. Сперанский и А. Д. Балашов: к вопросу о роли министра полиции в интриге против государственного секретаря // Клио. 2013. № 4 (76). С. 106–109.
- Сперанский. I.* Пермское письмо к Александру Павловичу. II. Оправдательная записка (сообщено Н. К. Шильдером) // Русский архив. 1892. № 1. С. 50–78.
- Ссылка Сперанского в 1812 году (дополнительные материалы к «Жизни графа Сперанского» барона М. А. Корфа) // Русская старина. 1902. Т. 110, № 4. С. 5–44.
- Томсинов В. А.* Светило русской Бюрократии : Исторический портрет М. М. Сперанского. М. : Молодая гвардия, 1991. 336 с.
- Тургенев Н. И.* Россия и русские. М. : ОГИ, 2001. 744 с.
- Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 255 с.
- Чибиряев С. А.* Великий русский реформатор : Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М. : Газетно-журн. объединение «Воскресенье», 1993. 238 с.
- Шильдер Н. К.* Император Александр I: его жизнь и царствование : в 4 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1897. Т. 3. 569 с.
- Южаков С. Н.* М. М. Сперанский: его жизнь и общественная деятельность. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1892. 88 с.
- LVVA. F. 7350. Apr. 1. № 8, 9.

References

- Andreev, A. Yu. (2020). Kto spas Speranskogo ot rasstrela? [Who Saved Speransky from Execution?]. In *Rodina*. No. 4, pp. 108–112.
- Andreev, A. Yu. (2021). “Professor-romantik” G. F. Parrot i ego družba s imperatorom Aleksandrom I [The “Romantic Professor” G. F. Parrot and His Friendship with Emperor Alexander I]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. Iss. 101, pp. 79–100. DOI 10.15382/sturII2021101.79-100.
- Andreev, A. Yu. (2022). Istochniki ob otstavke Speranskogo v 1812 g.: opyt sistematicheskogo analiza [Sources on Speransky’s Resignation in 1812: A Systematic Analysis]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 3. (In print)
- Chibiryaev, S. A. (1993). *Velikii russkii reformator. Zhizn’, deyatel’nost’, politicheskie vzglyady M. M. Speranskogo* [Great Russian Reformer. Life, Activity, Political Views of M. M. Speransky]. Moscow, Gazetno-zhurnal’noe ob’edinenie “Voskresen’e”. 238 p.
- Deyateli i uchastniki v padenii Speranskogo (neizdannaya glava iz “Zhizni grafa Speranskogo” barona M. A. Korfa) [Figures and Participants in the Fall of Speransky (an Unpublished Chapter from the *Life of Count Speransky* by Baron M. A. Korf)]. (1902). In *Russkaya starina*. Vol. 109. No. 3, pp. 469–508.
- Dmitriev, I. I. (1866). *Vzglyad na moyu zhizn’* [A Look at My Life]. Moscow, Publ. M. A. Dmitriev. 315 p.
- Druzheskie pis’ma grafa M. M. Speranskogo k P. G. Masal’skomu, pisannyye s 1798 po 1819 g.* [Friendly Letters from Count M. M. Speransky to P. G. Masalsky Written from 1798 to 1819]. (1862). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 142 p.
- Dvenadtsatyi god v zapiskakh V. I. Bakuninoi [The Year 1812 in the Notes of V. I. Bakunina]. (1885). In *Russkaya starina*. Vol. 47. No. 9, pp. 391–410.
- Fyodorov, V. A. (1997). *M. M. Speranskii i A. A. Arakcheev* [M. M. Speransky and A. A. Arakcheev]. Moscow, Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta. 255 p.
- GARF* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 728. No. 1678.
- Gotovtseva, A. G. (2018). “On vsegda budet zhertvoi intrig”: pridvornaya bor’ba Aleksandrovskoi epokhi [‘He Will Always Be a Victim of Intrigues’: The Court Struggle of the Alexander Era]. In *Rossiya i sovremenniy mir*. No. 1 (98), pp. 8–28.

Hauenschild, F. F. (1902). M. M. Speransky [M. M. Speransky]. In *Russkaya starina*. Vol. 110. No. 5, pp. 251–262.

Korf, M. A. (1861). *Zhizn' grafa Speranskogo v 2 t.* [Life of Count Speransky. 2 Vols.]. St Petersburg, Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki. Vol. 2. 388 p.

LIVV. F. 7350. Apr. 1. № 8, 9.

Nikolaenko, P. D. (2016). Ministr politsii A. D. Balashov i opala M. M. Speranskogo [Minister of Police A. D. Balashov and the Disgrace of M. M. Speransky]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*. No. 1 (69), pp. 27–33.

Nolde, A. E. (2004). *Speranskii. Biografiya* [Speransky. Biography]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 304 p.

Pogodin, M. P. (1871). Speranskii (posvyashchayetsya baronu M. A. Korfu) [Speransky (Dedicated to Baron M. A. Korf)]. In *Russkii arkhiv*. No. 7, pp. 1097–1252.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts] Stock 6. List 1. Dos. 557; Stock 11. List 1. Dos. 1151.

Rostopchin, F. V. (1889). Tysyacha vosem'sot dvenadtsatyi god [1812]. In *Russkaya starina*. Vol. 64. No. 2, pp. 643–725.

Sanglen, Ya. I. de. (2016). *Zapiski. 1793–1831.* [Memoirs. 1793–1831]. Moscow, Kuchkovo pole. 256 p.

Schilder, N. K. (1897). *Imperator Aleksandr I: ego zhizn' i tsarstvovanie v 4 t.* [Emperor Alexander I: His Life and Reign. 4 Vols.] St Petersburg, Publ. A. S. Suvorin. Vol. 3. 569 p.

Semevskii, V. I. (1911). Padenie Speranskogo [The Fall of Speransky]. In *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo v 7 t.* Moscow, Izdatel'stvo Tovarishchestva I. D. Sytina. Vol. 2, pp. 221–245.

Skrydlov, A. Yu. (2013). M. M. Speranskii i A. D. Balashov: k voprosu o roli ministra politsii v intrige protiv gosudarstvennogo sekretarya [M. M. Speransky and A. D. Balashov: On the Role of the Minister of Police in the Intrigue against the Secretary of State]. In *Klio*. No. 4 (76), pp. 106–109.

Speransky (1892). I. Permskoe pis'mo k Aleksandru Pavlovichu. II. Opravdatel'naya zapiska (soobshcheno N. K. Shil'derom) [I. Letter from Perm to Alexander Pavlovich. II. Exculpatory Note (Reported by N. K. Schilder)]. In *Russkii arkhiv*. No. 1, pp. 50–78.

Ssylka Speranskogo v 1812 godu (dopolnitel'nye materialy k "Zhizni grafa Speranskogo" barona M. A. Korfa) [Exile of Speransky in 1812 (Additional Materials to the *Life of Count Speransky* by Baron M. A. Korf)]. (1902). In *Russkaya starina*. Vol. 110. No. 4, pp. 5–44.

Tomsinov, V. A. (1991). *Svetilo russkoi byurokratii. Istoricheskii portret M. M. Speranskogo* [The Light of Russian Bureaucracy. Historical Portrait of M. M. Speransky]. Moscow, Molodaya gvardiya. 336 p.

Turgenev, N. I. (2001). *Rossiya i russkie* [Russia and Russians]. Moscow, OGI. 744 p.

Vigel', F. F. (1928). *Zapiski v 2 t.* [Memoirs. 2 Vols.]. Moscow, Krug. Vol. 2. 355 p.

Vyderzhki iz zapisok A. Ya. Bulgakova [Excerpts from the Notes of A. Ya. Bulgakov]. (1867). In *Russkii arkhiv*. No. 12, pp. 1361–1174.

Yuzhakov, S. N. (1892). *M. M. Speranskii: ego zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost'* [M. M. Speransky: His Life and Social Activities]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 88 p.

Zapiska o martinistakh, predstavlenaya v 1811 godu grafom F. V. Rostopchinym velikoi knyagine Ekaterine Pavlovne [A Note on the Martinists, Presented in 1811 by Count F. W. Rostopchin to Grand Duchess Ekaterina Pavlovna]. (1875). In *Russkii arkhiv*. No. 9, pp. 75–81.

Zorin, A. L. (2001). *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Double-Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.